Софья НЯЧ

* * *

Дай ветру играть на струнах твоих сухожилий,
предоставь дождю изливаться в твои глаза,
открой пошире объятья — дай распять себя —
это те, через кого ты спасешься.
Полетев вниз головой в самую бездну звезд,
радуйся, ты умрешь,
смертию смерть поправ,
на кинжалы высоких трав,
на лезвие вражеских губ,
только рассчитывай, друг,
это те, через кого, смертию смерть поправ,
Господь, Человеческий Сын,
Сын Божий,
Господь пустынь,
Солнца, Господь Земли,
Венеры, Юпитера... и...
Ада врата сокрушил.
Твой баррикадный ад
две тысячи лет назад.

* * *

план побега из комнаты
опровергая Бродского
не ошибка
удача
хоть раз в жизни высунуть голову
в хаос большого взрыва
стать сыном анархии
разбить застывшую
из-за которой не видно не зги
античную маску трагедии
корнями вросшеюся в мозги
смотреть как из хлама астрального мусора
(Бродского опровергая)
прорастает дерево
чьи зерна
носил я в груди

ОКО

Я мужчина с морошкой в спине,
взрастивший во чреве блудного сына.
Левый глаз мой выкатился по весне
искать третий,
где юродивый, святый и сирый.
Третий глаз по степи вышагивал как великан,
средь Уральских гор в небе летал орлом.
Видел:
знаки читает в траве Тамерлан,
А на земле в страданьях и слезах,
вблизи огня, куда не падал снег,
разбременилась Ева, — то был новый человек.
Его держал Адам в натруженных руках.
И первый звонкий раскаленный крик
пронзил Вселенную, в ней и поныне оставаясь.
Возликовало все живое, им благословляясь,
и Бог с прощением к троим приник...
заливая их марсовым молоком.
Он прозрел с широты божественного чела,
как ныряла гагара на дно,
чтобы испить тишины,
как седая Мойра нить Гектора оборвала
и семью руками сердце вырвала из груди.
Открывался мир в капле одной росы,
и ламбей в рогах солнце богов носил.
И надел третий глаз на ноги свои кисы,
в океан нырнув,
с рыбой-китом уплыл...

ВЫТЬ

Боком вышла цифра.
рыбой подо льдом уснула,
спит, и чешуя кривою
бескровиною сверкнула.
Мясо лунное трепещет,
ощетинилось кольчугой,
и не дышит, и не блещет,

покрываясь кожей смуглой.
И под этим нераздольем
волком выть пора настала.
Кто мне даст живое слово,
чтоб не выть, но петь я стала?
Странник мира безутешный
над синеющей землею
где-то в млечности небесной
беспокоит словом море.

ТАНАТОС

Игральные кости ребрами на стол,
звезды рунами на черное полотно....
Что искал ты да то и нашел,
Тихий ангел взял тебя под крыло.
Как младенец в купели крещенской чист,
как монах в горных вершинах свят,
так и ты на руках у ангела спишь.
И только жены над телом твоим вопят.
Я раскрою грудь, как парадный плащ:
и взметнется к небу мольба и крик.
Страшный огонь холоден и палящ
пожирает судьбы моей черновик:
мне одиннадцать лет, оголтелая детвора,
я совсем малыш, материнское молоко...
я влюбленный смотрю в свет твоего окна,
и стареет с каждой минутой мое лицо.
Игральные кости ребрами на стол,
звезды рунами на черное полотно...
В этом городе праздник, чума и мор.
Кто Ты, взявший меня под свое крыло?